

Анна Михалевская

Черничный сок в третьем акте

Отрывок из романа «Три стороны монеты»

1.

Блокпосты каким-то чудом прошли. Лука вынашивал планы придушить режиссера, как только они окажутся на украинской территории. При виде русских у того случались приступы разговорчивости, и Сергей сказал столько неуместных фраз, что их запросто могли бы отправить обратно, а то и пристрелить.

Но граница была позади, и Лука решил отложить расправу.

Настя молчала уже более получаса. Это было рекордом и тревожным знаком.

– Куда вы меня везете? – спросила она неожиданно злым голосом.

Лука всерьез задумался над вопросом. Режиссер молчал – крепко держал руль и делал вид, что не отрывает взгляд от дороги. И это было к лучшему. Март порошил снегом. Асфальт покрывала тонкая корка льда – машину то и дело заносило в сторону.

– Родители? – решил Лука.

Кажется, Костя упоминал, что семья переехала из Донецка.

– Папа спился и ушел от нас. Мама в Торонто с новым мужем.

– Подруги, друзья? – Лука сделал следующее предположение.

– У меня только Лешка был... И Костик.

– Тогда остается Китай или Галапагосы, – поднял бровь режиссер. – Куда сначала?

Настя не отвечала, упрямо смотрела на мелькавшие за окном степи.

– Тебе бизнес поднимать надо. Душ на орбите и всякое такое, – напомнил Сергей.

– Какой бизнес?! Вы что, сдурели? Война кругом! – взвилась Настя.

Режиссер хотел что-то сказать и коротко глянул на Настю в зеркало, на миг оторвав взгляд от дороги.

Этого оказалось достаточно: машину повело в сторону, завертело. Сергей жал на тормоза, отчаянно крутил руль, пытаясь выровнять колеса, но броневик заносило все больше.

Лука уперся ногами и схватился за поручень над окном. Фетя взвизгнула и оказалась у него на коленях.

– Держитесь за передние кресла! – крикнул режиссер.

Верх и низ поменялись местами. Голову мотало. Лука чувствовал, как лапы собаки упираются ему в живот, шерсть забивается в рот, ногу зажимает, и он дергает ее, дергает, дергает...

Наступила тишина. И вспышка. Характерный свист. Он наконец выдернул ногу и вывалился из машины. Рванул заднюю дверь, но она заклинила.

– Настя! – заревел он.

Присмотрелся в окно. Настя куда-то пропала. На ее месте сидела Ева. Глаза у нее были открыты, голова откинута. А из-под шеи растекалось темное пятно, портя обивку режиссерской машины.

Сергей?! Лука ошалело всматривался в салон. Водительское сидение пустовало. Фетя? Он огляделся – над бесконечной очередью машин поднимался дым. Кричали люди. Бурые пятна на асфальте. Вдалеке маячил пропускной пункт.

– Фетя, – шептал он, шаря руками по корпусу, пытаясь открыть хоть какую-то дверь.

Откуда-то он знал – собаки там нет.

– За тобой должок, – косматый старик навалился на заднюю дверь, приподнял, потянул на себя, и она поддалась ему, открылась.

– Так что, вернешь ее?

Лука скользнул внутрь, уложил тело Евы на сидении. Проверил пульс, прикоснулся рукой ко лбу. Как будто было непонятно.

Старик стоял над ним, кивая.

– Что это за очередь? – буднично поинтересовался Лука, словно и спросить у Лодочника было нечего.

– В сентябре узнаешь, – бросил старик, развернулся и ушел.

Его фигура растворилась в криках и стенаниях.

Сентябрь?

Только-только занялся рассвет. На полях желтая трава. Люди одеты в осенние куртки. Воздух относительно теплый, явно не мартовский.

Новый взрыв оглушил. Лука скользнул в машину и сразу провалился в темноту.

Кто-то шлепал его по лицу.

– Ну вот, дожились. Я дал тебе пощечину, – режиссер звучал устало.

– Где Ева?! – подскочил Лука, сморщился от боли в голове.

С заднего сидения на него смотрела глазами-плошками Настя. Внизу калачиком свернулась Фетя и мелко дрожала.

– Хороший вопрос, но есть лучше. Где мы? – ответил режиссер, театрально обводя рукой вокруг.

Машина стояла в какой-то глуши посреди степи. В окно полыхало жарким воздухом. Впереди угадывались наметки дороги – глина со щебнем. Трава еще не осенняя, но уже выгоревшая под солнцем.

Метрах в пятидесяти лежал на боку автобус. Беспомощно крутилось колесо.

Вот где, оказывается, гремело.

Лука выбрался из машины. Он бы побежал, но зрение не фокусировалось, ноги заплетались.

«Там Ева, – пульсировала мысль. – Там Ева, ее еще можно вытащить».

Но там было нечто другое. Развороченный снарядом автобус. Обезображенные трупы в камуфляжной форме. И один живой солдатик – он бродил между телами товарищей, перед каждым останавливался, сам с собой говорил.

– Что в таких случаях делать? – отрывисто спрашивал режиссер.

И по тому, как он давился словами, было понятно – тот едва сдерживает рвотные позывы.

– Есть рация? – Лука подошел к солдату. У того глаза блуждали где-то далеко.

Сергей сбегал за водой к броневнику, парню дали попить. С третьей попытки удалось выяснить, что рация вышла из строя. «Надо сказать, надо вернуться в расположение, – твердил солдатик. – И их, их, – он показывал на погибших товарищей, – надо спрятать».

Лука глянул на режиссера:

– Возвращайся к машине, позаботься о Насте и Фете.

Тот сглотнул. Засучил рукава и стал рядом. Втроем они перенесли восемь трупов в пробитый кузов автобуса. Парень считал и пересчитывал. Потом начинал снова. Лука подумал, что это его успокаивает, и не мешал.

Уже когда они ехали в «распологу», парень вдруг сказал:

– Лешего нет. Лешего я так и не нашел.

Дезертир, решил Лука. В любой армии есть дезертиры. Он это испытал на собственной шкуре.

2.

Сидя в машине, Лука увидел, как открылась калитка, выбежала девушка. И подумал: интересно, кого из них она ждала. Того, кто вернулся? Или тех, кто остался?

– Хочу домой, – сказала Настя, – к Лешке... – и шмыгнула носом.

Лука попытался ее обнять, но она сбросила руку. И он замер, задеревенел от собственного бессилия.

И не заметил, когда Сергей вышел из машины. Стало удивительно тихо. Канонада, которая сопровождала их последнее время, будто прошла точку кульминации, а куда дальше – к финалу или новому акту – еще не решила. Дожились, он мыслит категориями театра.

Что ж, ночевать им придется, судя по всему, здесь. Надо бы осмотреться.

Невысокий старичок опирался на забор двумя руками, смотрел в землю.

– Всех потерял. Почти всех... Хорошие ребятки были, – сказал он, не поднимая головы, оттер глаза и поковылял в дом.

Лука проводил его взглядом. И уже собрался было идти на поиски режиссера, когда увидел Еву. Узнал и не узнал.

Тонкие черты лица заострились. Губы стали тверже. Взгляд из уютного, как плюшевый плед, мягкого серого превратился в жесткий стальной. Он бежал ее спасать, но, кажется, опоздал. Лука помнил, как это бывает. Ева перестала бояться. Теперь ее ничего не удержит – от подвига, от дурости, от шага из окна. Война сорвала предохранитель.

– Представляешь, кого нашел?!

Сергей не мог скрыть радостного оживления. Он приобнимал Еву, тряс, хватал за руку, будто боялся, что та сейчас растает.

– Вот как... надо же... – Лука говорил совсем не то, что хотел, не то, что повторял про себя раз за разом, когда прокручивал в голове их встречу. Думал, что первым делом стиснет ее в объятиях, так, чтобы почувствовать – живая, и не отпустит. Но перед ним стояла чужая девушка.

И все же она была внучкой Феликса.

Эта мысль вернула его на пыльную дорогу, в село на краю мира, к растерянным людям. Объятия придется пропустить.

– Мы приехали за тобой, Ева. Чтобы отвезти домой.

– Домой? – губы Евы скривились, отдаленно напоминая улыбку. – Если б хоть на неделю раньше... – Ева уставилась за их плечи, будто там кто-то крутил фильм про «неделю раньше». – А сейчас все равно.

Она ушла в дом, закрыла за собой дверь.

– Тоскует за Лешим, – сказал солдатик, глядя вслед Еве. – У них была любовь. Мы все ему завидовали. Теперь я один остался... завистник...

– Леший, которого не нашли? – сразу отреагировал режиссер. – А как его звали? – настороженно спросил он, и Лука догадался, куда Сергей клонит.

Не удивился, услышав имя:

– Костя.

– Костик? – зазвучала Настя эхом.

Она уже стояла рядом и с интересом рассматривала парня.

– Возможно, – ответил Лука.

В расспросы погружаться не хотелось. Предстояло еще забрать трупы, но с Настей он эти планы обсуждать не собирався.

Отправив ее в дом к хозяину, они переговорили с выжившим солдатиком с неуместно веселым позывным Бурячок. Тот уже созвонился со спецподразделением «На щите». Они с Сергеем выжились показывать ребятам дорогу.

Фетя любезно согласилась остаться, сразу усевшись в ногах у Евы. Насте Федор Арсентьевич выделил комнату – и та быстро отключилась.

Режиссер пришел в себя и начал командовать: «А душ у вас есть? А вода? А спать я где буду? А что на ужин? Я заплачу!».

Следов Лешего они так и не нашли. Бурячок умолчал о пропаже. Наверное, не хотел верить, что побратим сбежал. Хотя все факты будто бы налицо.

Ребята всех опознали, вернее, Бурячок подсказал. Увезли на отправку родным.

Вернулись в село под гнетом тишины. Не о чем было говорить. Сергей больше не волновался о душе. Лег на матрасе под стенкой как был. Даже не умывшись.

Лука долго сидел на лавке, опершись о поленницу, устало таращился на звезды.

Кажется, так и заснул сидя. Смутно вспоминалось потом, как Ева вела его в дом. И он наконец-то смог ее обнять.

3.

– Значит, ты – сестра Кости? – спросила Ева без тени улыбки.

– А ты – его...

– Коллега, – поспешно добавила Ева. – Знаешь, как он тебя искал? Весь Мариуполь обошел под обстрелами! А ты отказалась идти! И я все время спрашиваю – почему? И если бы пошла тогда, может, он бы остался жив!

Девочки знакомились.

Прохладное сентябрьское утро ползло по спине холодком. Пахли яблоки из сада под домом, мычала корова. Фетя умылась на крыльце и чухала за ухом.

Ева и Настя, умытые и причесанные, сидели друг против друга за старым дощатым столом. Луч падал на лицо Евы, перерезая его наискось, как шрам. Настя с волосами, стянутыми в хвост, перестала казаться подростком.

Мужчины забились кто куда – Сергей на лавке у печи, Лука присел на подоконник, молча наблюдая женское сражение. Федор вообще сбежал – мол, к соседу срочно, за солью.

– Если бы не ты, он бы не сел в этот поезд! И не поехал бы в Мариуполь, – парировала Настя.

– Он делал это ради тебя!

– Костик побежал за тобой! Он все мне рассказал.

Фетя взвизгнула и принялась за другое ухо.

– И что же еще? – глаза Евы сузились.

Настя выдержала паузу. Достойную. Режиссер тихо присвистнул.

– Он тебя любил. И ему было плохо.

– Я тоже любила! – не выдержала Ева. – И как было мне, никто не спрашивал! Я не просила ехать за мной. Не просила спасти!

Она любила... Лука почувствовал, как ноет в груди. Неужели ревность?

– Ева, – тихо позвал Сергей, – у него была монета. Он, как и ты, живет вне времени. Как, наверное, теперь мы все.

Секунду подумав, Ева вдруг сказала:

– Позвоните домой. Вдруг у вас получится!

Так мог бы спросить ребенок, когда вернется мама. Сталь превратилась в воск.

Не сговариваясь, они с Сергеем полезли за телефонами. Режиссер нашел первым. Включил, Лука услышал гудки.

– Мама не берет, – сказал он.

Сергей попробовал еще несколько номеров. Безрезультатно.

– А если мы никогда не сможем вернуться? – потухшим голосом спросила Ева. – Даже если приедем в Одессу.

И тут их прорвало. Говорили все, перескакивая с одного на другое. Какими были первые дни войны в Одессе. Как встретили обстрелы в Мариуполе. Азовсталь и пустые одесские улицы. Блокпосты. Дорога в никуда, брошенные животные, расстрелянные машины. Костя, пленник монеты, его попытки увезти Настю. Потерявшийся на перекрестьях войны Костя-солдат. Прыжки между событиями и временами года. Косматый старик, который знает события наперед.

– Только вчера его видела, – заметила Ева. – Говорил что-то про новую лодку. Доски искал.

Глаза будто опалила вспышка. Стало больно, как давно уже не было. Ожидание потери. Пусть лучше ревность.

Они с Сергеем переглянулись.

– Это Лодочник, Ева. Он встречался с твоим дедом. Теперь ищет тебя.

Всей правды Лука не сказал. Косматый требовал Еву как долг. Его, Луки долг. Только за что? Он никому ничего не обещал.

И вдруг вспомнил. Или придумал? Ночь. Берег под высоким обрывом. Темные, еще чернее, чем ночной сумрак, воды реки. Одинокaя лодка у берега. Старик отказывается его брать на пере-праву, они сидят на песке и чего-то ждут. Пока успокоится ветер? Пока придет девушка?

Сквозняк с громким стуком приложил оконную раму о стену. Лука вздрогнул. Наваждение сгнуло.

– Прекрасно! – Ева ударила ладонью по столу. – Я готова.

– Ты не понимаешь! – он схватил ее за руку выше локтя. – Лодочник уничтожит тебя! Мы собираемся и едем в Одессу.

Ева освободилась от его хватки, встала из-за стола.

– Тише, тише! – режиссер сделал примирительный жест. – Ева, это действительно опасно. Мы не можем тебя заставить, но...

– Пусть идет, – вдруг сказала Настя. – Может, тот косматый вернет Костю. Мне безразлично, в обмен на что.

– Не нуждаюсь в твоих указаниях, – фыркнула Ева и вылетела из дома.

На пороге столкнулась с Федором Арсентьевичем.

– Вы говорите-говорите, я старый, глухой, ничего не слышу, – он развел руками, посмотрел Еве вслед: – Девка с характером. Но Мушка ее любит.

– Корова, – пояснил режиссер, потирая руку. – Вчера познакомился с ее рогами.

Фетя завияляла хвостом, давая понять, что и она тоже. Также любит. Хоть и безрогая. Зато хвостатая!

Настя поднялась и молча ушла в комнату.

Вот и поговорили.

Лука с режиссером уселись за пустующий стол.

– С людьми всегда так сложно? – скривился Лука.

– Сложно, – согласился Сергей, – но потом получается хорошо. Если их вдохновлять, а не приказывать, – режиссер многозначительно хмыкнул.

Вдохновлять. Да, это умели Македонский, Наваррский, Наполеон. Это умел и господин Этьен, старший писарь королевского архива. И Антония. И Тереза. А он слишком спешил раздать монеты. Ему некогда было вдохновлять.

– Что теперь? – спросил Лука.

– Ждать, – ответил режиссер.

– Это опасно. Ева погибнет под Запорожьем – у меня было видение.

– Не дают покоя лавры Тересия?

– Ее заберет Лодочник, – не обращая внимания на колкость режиссера, продолжил Лука.

– А ну-ка, поподробнее.

Сергей выслушал исповедь Луки, не перебивая. А потом спросил:

– Что, если мы поставим спектакль? Поедем чуть заранее, в ту же очередь перед блокпостом. Предупредим людей, нарушим ход игры. Он придет посмотреть, раз ты все равно ему должен. Кстати, о каком долге идет речь?

– Не знаю, – отрезал Лука.

– Знаешь, – утвердительно кивнул режиссер. – Надеюсь, в счет не пойдет моя голова. Остальное меня не волнует. Не должно волновать. Вроде как.

– Мы все равно рискуем. Еву не посадишь на цепь. Ты же видел. Она может сбежать, полезть под пули.

– Оставь это мне. Кое-как справлялся с ней пять лет. И сейчас справлюсь.

– Откуда такая уверенность? – не унимался Лука.

– А разве есть варианты? Лодочник – наш шанс все изменить. Остановить эту чертову войну. Может, все войны.

– Мы не знаем, чей это шанс.

Лука осекся. Не лучший день для разговоров. Не лучшее время. Не лучшая жизнь.

– Обсудим потом.

Поднявшись из-за стола, он вышел во двор. Подобрал упавшее яблоко, вгрызся в него. Сок потек по подбородку. Лука съел яблоко с корешком, хвостик оставил, покрутил в пальцах.

Напряжение утра переродилось в надежду. Он может чувствовать под пальцами гладкую кожуру. Может ощущать липкий сок на коже. Вдыхать кисло-сладкий запах. Он жив. И пока это так, он может многое.

4.

Лука нагнал Еву, когда та, свернув с проселочной дороги, ушла в степь. Вдалеке виднелись невысокие холмы. Он оглянулся – домики остались позади: маленькие, уютные, утонувшие в зелени. Рожать детей и радоваться. Пару дней было тихо, и эта тишина будто отравила их морфием, заставила галлюцинировать о мирной жизни. О которой, впрочем, он ничего и не знал.

– Извини, не хотел показаться резким. Думал, наша встреча будет другой.

Ева остановилась и, не оборачиваясь, спросила:

– Какой?

– Наверное, более теплой. Хотя с чего бы тебе вообще обо мне вспоминать?

– А я вспоминала.

Они шли вперед вместе. Без цели и направления.

– И как же?

– Думала, каким же он должен чувствовать себя одиноким...

Она коротко взглянула на него, и Лука зажмурился, будто бы от солнца, но на самом деле – чтобы не выдать своих чувств.

– Я не жалею тебя, – продолжила Ева. – Просто теперь понимаю. Скитаюсь месяца три в общей сложности без друзей и родных. А ты так всю жизнь. Каково это?

– Привык, – коротко ответил он.

– Ты любил? – спросила Ева.

Сентябрьское солнце не унималось, слепило глаза, делало степной воздух горячим, тяжелым.

– Да.

– Сочувствую, – ответила Ева.

И вроде бы они шли, не стояли на месте, но холмы, которые виднелись впереди, не приближались, наоборот – немного удалялись.

– Он не погиб.

Лука не стал переспрашивать. Речь шла о Косте. Это было понятно даже короле Мушке.

– Мне надо вернуться в Мариуполь. Он может быть там.

– Мариуполь сдан.

– Я знаю. Но мне надо в Мариуполь. Он там.

Ева звучала слишком спокойно. С таким спокойствием самоубийцы становятся на край скалы.

Лука вспомнил, как сам рвался в Мариуполь. Именно в Мариуполь, чтобы уберечь Еву.

– Тебе нельзя туда. Погибнешь.

Некоторое время она молчала. Трава стала гуще, ноги в ней путались, и каждым шагом приходилось разрывать сплетения стеблей. Удивительно прочные, заметил про себя Лука. Он вскинул голову. Холмы оставались все так же далеко.

– Могу погибнуть, – согласилась она. – Но пока коробка с котом не открыта, никто не знает, мертв он или жив.

– С каким котом? – не понял Лука.

– Парадокс кота Шредингера. Помнишь, рассказывала тебе в первую встречу?

Ах да. И сдались ей эти коты.

– Меня устраивает только один вариант. Кот должен быть жив, – заключил Лука. – И чтобы он выжил, коробку надо держать подальше от границы с Мариуполем.

– Слушай, чего ты ко мне пристал? – раздраженно отозвалась Ева.

Никогда у него не получалось с женщинами. И с уговорами. Лука скрипнул зубами. Надо, что ли, помягче.

– У меня долг перед Феликсом. Не могу позволить его внучке раньше времени отправиться на тот свет.

– А ты не пробовал говорить правду? – Ева остановилась и глянула на него. В серых глазах начали собираться грозовые тучи.

Он почувствовал, как краснеет. Он. Краснеет! Зевс всемогущий! Говорить правду? Нет, правду он не скажет. Он и сам ее не знает. Или? Нет, не знает.

– Значит, не пробовал, – хмыкнула Ева. – Неважно. Я обо всем договорилась с Сергеем Андреевичем. Выезжаем через пару дней на Запорожье, потом на Мариуполь. Можешь не ехать, если не хочешь.

Он хотел другого: взять девушку за локоть и отвести домой. Но память посмеивалась над ним, подсаживая, что Шлейфманы никогда не делают то, о чем их просят.

Лука развернулся и зашагал обратно. Чтобы не сделать хуже, чем есть. Идти было легко, примятые травы будто сами стелили дорожку. Он оглянулся уже с проселочной дороги. Холмы не удалились и не приблизились. Поискав глазами женскую фигурку в степи, он так ничего и не разглядел.

Вечером попрощались с Бурячком. Того переводили в другую бригаду и откомандировывали из Краматорска. День он разбирался с вещами погибших побратимов – обзвонил родных, узнал адреса для пересылки, переправил, кому смог.

Вещи Кости? А у того ничего и не было. Рюкзак, который всегда носил с собой, – с ним и себе... погиб... пропал. А спальник вон – остался. Сергей и Лука пересмотрели изрядно потрепанный спальник до нитки и никаких зацепок не нашли. Наверняка Настя и Ева сделали то же самое. Но обе девушки молчали.

Режиссер взял действие в свои руки и поставил спектакль.

В конце недели – из Краматорска на Запорожье. Под Запорожьем – блокпост в Васильевке – единственный, через который можно проехать на захваченную россиянами территорию.

Ева была уверена, что они переправят ее через этот блокпост.

Настя считала, что, переправившись, Ева вернет всем Костю.

Сергей строил планы, как они встретят Лодочника, обо всем договорятся и полным составом уедут в Одессу.

За неимением лучшего плана Лука решил так: он будет рядом и прибудет любого, кто тронет Еву. Будь то хоть Лодочник, хоть сама смерть.

И еще он пытался понять: какую правду не сказал Еве? И если бы сказал, она бы согласилась вернуться домой?

5.

Неделю они прожили в запорожской квартире. Готовились.

Лука наведалься в тероборону, потом к волонтерам. Видение было коротким, но он помнил прошитые осколками кузова машин, выбитые стекла, израненные лица. Бронежилеты стояли

недешево, но он договорился. Кое-какие сбережения у него еще оставались. Очки и маски раздобыть оказалось проще. В общем, защита у них будет...

Он до последнего надеялся, что Ева передумает ехать в Мариуполь, что режиссер отменит спектакль, Настя вдруг захочет поднимать бизнес с черепахами и космонавтами прямо здесь, а Костя в конце концов вернется сам. Но ничего этого не случилось.

Не остановить – так хоть предупредить: Лука подробно пересказал Еве свое видение. Но та оставалась спокойной. Кажется, она его и не слышала.

С приездом в Запорожье Настя закрылась. Уж лучше бы про черепах болтала – так было привычнее, что ли. Девушка часто отлучалась, говорила, что ходит к волонтерам в центр. Лука не проверял, но почему-то не верил.

На день «Х» было условлено так: Настя с Фетей их ждут на квартире.

Хотя Фетя и пыталась спорить, но сахарная косточка ее переубедила.

На случай, если не вернуться, они надиктовали адреса, имена, что и кому отдать. Лука завещал свой рюкзак с оставшимся скарбом Марии Павловне, соседке. Ева попросила отдать «Илиаду» папе. Режиссер – повесить на его доме памятную табличку с надписью: «Сгорел на работе».

Шесть тридцать. Холодное сентябрьское утро. Еще темно, рассветет только через двадцать минут. Броневики в хвосте очереди на блокпост.

Занавес поднимается – первый акт начался.

Вдалеке маячили русские военные. Лука оглядывал очередь – Лодочника пока не видать. Когда появится, они сразу поймут. Бронежилет, надетый под легкую куртку, сковывал движения – фландрская кольчуга была в разы удобнее. Ева и Сергей постоянно ерзали – им тоже было неудобно. Маску с очками договорились надевать позже, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Лука выскользнул из броневика и пошел прогуливаться вдоль рядов машин. Начал с хвоста, чтобы разгрузить дорогу.

– Что может испортить пьесу? – рассуждал режиссер вслух, когда они к вечеру собирались за столом в тесной квартирке. –

Если зритель не придет. Но это невозможно – нас смотрит весь мир. Если актеры плохо сыграют. И это затруднительно. Беженцы в очереди не знают, что они актеры, поэтому до мелочей естественны и достоверны в своих ролях.

Сергей многозначительно замолчал – чтобы привлечь внимание к следующей фразе.

– Ну а если мы нарушим ход пьесы? Переиграем сюжет? Если актерам вдруг скажут, что в третьем акте прольется не черничный сок, а их кровь? И когда они начнут бежать со сцены, кто придет наводить порядок, как думаете? Правильно, режиссер! Нет, не я. Другой. Мы все знаем, как его зовут. И придет он к приме. Чтобы поймать за кулисами и что-то такое сказать, что не даст ей уйти. Например: «Костя тебя ждет в Мариуполе». «Без тебя он не справится». «Только ты его спасешь».

– И что сделает прима? – Сергей повернулся к Еве.

– Доиграет свою роль до конца, – нахмурившись, отвечала она. – Вы сами так учили.

– Тебе решать, – доверительно говорил Сергей.

Ева благодарно улыбнулась. Какое понимание! Ей дали свободу выбора!

Лука молчал и становился соучастником вранья: никто не собирался отпускать Еву через границу...

Он ходил от машины к машине: в салонах нахохлившись от недосыпа и волнения люди ждали своей очереди. Лука стучался в окно. Зачастую ему открывали.

– Секретная разведка ВСУ. Колонну подорвут. У вас полчаса, может, меньше. Тихо отъезжаем, без паники. Передайте всем встречным.

Кто-то сразу закрывал окно. Мол, знаем вас, диверсантов. Другие задавали вопросы, но Лука не отвечал, некогда, шел дальше. Были и такие, кто без лишних слов выруливал на обочину и ехал в противоход основному потоку. К ним Лука испытывал особую благодарность.

Он перестал считать машины и лица. Все слилось в одну ленту событий. Постучать. Сказать. Пойти дальше. Иногда Лука поднимал голову – светлело, утренние сумерки рисовали поверх серые тени поверх черного, вот-вот горизонт займется

алым. Надо спешить. Он помнил красный шар солнца за плечом Лодочника.

К тому времени, как Лука позволил себе оглянуться, колонна машин значительно поредела. Он посмотрел вперед – блокпост маячил перед самым носом.

Пора возвращаться. Он на ходу достал из кармана маску, очки. Убыстрил шаг, побежал. Удары сердца набатом гудели в голове: «Сейчас! Сейчас! Сейчас!».

Лука успел упасть на обочину и накрыть голову руками за секунду до взрыва. Тело отреагировало само. Пару мгновений выждал, подскочил и бросился искать машину. Ева! Он должен быть рядом!

Прорываясь сквозь крики и суету, Лука никак не мог сфокусировать взгляд. А когда получилось, не смог найти машину. Пропустил? Вернулся назад. Ни режиссера, ни Евы, ни броневика.

Он метался между чужими машинами и чужими людьми, и отчаяние металось в нем, набирая силу.

– Подсоби, а! – окликнул кто-то.

У броневика стоял Лодочник и с силой дергал заднюю дверь.

– Заклинило, – будто оправдываясь, сказал он и развел руками.

Лука послушно подошел к двери. Просчитались, план не сработал.

Он не стал смотреть в салон. И так знал, что там увидит: Ева на заднем сидении, под головой растекается кровавое пятно.

Уже вдвоем они потянули дверь броневика на себя, но та не поддалась.

– Не тратьте силы, – спокойно, будто обмениваясь дружеской репликой за утренним кофе, сказал режиссер.

Лука поднял голову. С другой стороны машины у водительской двери стоял Сергей. Локтем одной руки он перехватил Еву за шею. Крепко так схватил, уверенно. В другой режиссер держал пистолет. Его, Луки, пистолет. Дуло было направлено Еве в висок.

– Ненавижу... – прохрипела Ева.

Сергей улыбнулся.

Вопру завить от злости и бессилия. Как Лука мог довериться этому паяцу?! И как тот умудрился провезти его пистолет через все посты и границы?

Лодочник потерял интерес к дверце машины. Взглянул на режиссера.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

– Закончи войну! Ты же можешь.

– Я? – удивился Лодочник. – Нет. Не могу.

– Ты сделал на нее ставку, я знаю, – пистолет задрожал у виска Евы. Лука отметил, что курок уже взведен. – А если она выйдет из игры?

– Никто просто так не выходит, – спокойно ответил Лодочник.

– Сволочь! – крикнул Ева. – Отпустите меня! – она дернулась, но Сергей усилил хватку, и девушка захрипела.

Лука лихорадочно просчитывал ходы. Выбить пистолет? Не успеет, режиссер выстрелит раньше. Сказать: «Лучше убей меня»? Неубедительно. Он все равно очнется лет через сто-двести, и Лодочник это знает. Взять в заложники старика? Смешно.

Вместо всего этого Лука спросил:

– Что я могу отдать вместо нее? – он кивнул на Еву. – Ты ведь за этим пришел? За долгом?

Лодочник бросил взгляд на режиссера. Перевел на Луку. Всмотрелся в Еву.

– Только она, – наконец сказал он и хлопнул рукой по капоту, будто подтверждая сделку.

– Феликс обещал тебе внучку, да? В обмен на знание, которым так и не воспользовался? – вдруг сказал режиссер.

Повисла пауза. Лодочник жевал губами, будто что-то вспоминает. Ева обмякла и перестала выдираться.

Или сейчас, или никогда, решил Лука. Краем глаза он увидел, как со стороны блокпоста к ним направляются военные. Заметили пистолет. Оставалось надеяться, что этот придурок, с которым он так опрометчиво сблизился, не успеет выстрелить.

Лука снова дернул дверь машины, та наконец поддалась. Он скользнул на заднее сидение. В нос ударил запах бензина. Где-то пробой, так недолго и подорваться. Толкнул дверцу напротив. В лобовое стекло увидел – военные рядом. Сейчас начнется.

Бросил взгляд в окно на Сергея, зажатую локтем побледневшую Еву. Они встретились с девушкой взглядами, он кивнул. Ева поняла. Лука распахнул дверь, одновременно подбивая руку

режиссера. Пистолет остался у Сергея, но, воспользовавшись заминкой, Ева выскользнула из захвата и бросилась к Луке.

События посыпались, как карточный домик. Лука только успел выйти вперед, спрятав Еву за спину, как Сергей выстрелил в Лодочника. Двое военных уже подходили к соседней машине, и, заметив их, режиссер бросил пистолет в салон броневика.

– Диверсант! – крикнул он, указывая на то место, где секунду назад стоял Лодочник.

Сейчас там никого не было.

Под броневиком разливалось бензиновое пятно, и Лука поспешил оттащить Еву в сторону. Пожар вспыхнул сразу. Режиссерская машина занялась, как костры Варфоломеевской ночи. Сергей куда-то пропал. Искать его не было ни сил, ни желания.

Приобняв Еву, он почувствовал, что та мелко дрожит – не то всхлипывает, не то тяжело дышит. Луку переполняла нежность и боль. Он и не знал, что так бывает.

– Пойдем домой, – сказал он.

Ева замерла в его объятиях. Что ж. Это могло значить лишь одно – ее надо отпустить.

– Я проведу тебя до блокпоста, – с трудом выговорил Лука.

Она кивнула, и они стали пробираться сквозь обстрелянные машины, мимо раненых и убитых. В отдалении завывла сирена скорой помощи.

– Спасибо, – сказала Ева.

Остановились у первой машины перед блокпостом. Ева обернулась, обняла его. Крепче, чем обычно. Лука все ждал фразы «Я вернусь», но не дождался. Радоваться? Расстраиваться?

Зазвонил Евин телефон, нарушая гармонию смерти. Она не реагировала. Но телефон все звонил и звонил – настойчиво и требовательно. Ева вздохнула, вытащила трубку из кармана.

– Конечно помню, обещала тебе паука прислать! – оправдывалась Ева. – Не успела, обязательно сделаю!

Она говорила с каким-то далеким ребенком, и застывшая на лице маска обреченности трескалась и осыпалась, как высохшая на солнце скорлупа.

Закончив разговор, Ева вытерла выступившие слезы. Немного постояла, глядя на блокпост, развернулась и пошла в другую сторону.

– Майе тарантула надо найти. Совсем забыла, – бросила она на ходу.

«Какая Майя? Какой тарантул?» – гадал Лука, пытаясь успеть за Евой. В любом случае он был благодарен этим неизвестным личностям.

Они дошли до конца очереди, обошли машины скорой помощи.

– Эй! – крикнула им какая-то девушка, высунувшись из окна авто. Лука не различал марки, для него машина была зеленой и старой. – Может, вас подвезти? – девушка подмигнула.

– Настя? – удивленно протянула Ева.

Точно! Настя! В шапке и очках он не узнал спасительницу черепах. Только теперь заметил зеленую косу. Иди разбери этих женщин: то прическу поменяют, то выражение лица – и другой человек.

– Прыгайте! Быстрее! – Настя показала на военных, которые снова проявили интерес к их компании и бежали к зеленой машине.

Первое, что он увидел, забравшись в салон, было испачканное копотью лицо Сергея.

– Я все объясню, – быстро сказал тот.

Лука сжал руку Евы – на всякий случай. Девушка не стала сопротивляться.

Настя резко развернула машину, тормоза взвизгнули. И когда она так научилась водить? Они вырулили на проселочную дорогу и запрыгали по ухабам в сторону Запорожья.

– Занавес, – режиссер хлопнул в ладоши.

6.

Сирена выла – тревоги шли одна за другой. Но набережная над Днепром жила своей жизнью. Люди пришли на встречу с природой и не собирались подстраиваться под обстоятельства войны – прогуливались, ловили рыбу, парочка на скамейке под яблоней целовалась вовсю.

Фетя забежала вперед, возвращалась, снова убежала.

Лука держался подальше от Сергея – он до сих пор не простил режиссеру обман. Хотя тот уверял, что они были естественны и неподражаемы в своих ролях.

– Ты же поверила? Испугалась пистолета? – допытывался он у Евы.

– До того момента, как вы меня оттолкнули к Луке, – призналась Ева. – А потом я все поняла.

– Неправда, ты сама выскользнула, он случайно ослабил хватку, – не сдавался Лука.

Его взгляд притягивал остров Хортица, скалистые берега, кресты деревянных церквей.

– Сергей гений! Почти как Лешка, только в другом, – Настя смотрела на режиссера с обожанием. – Он знал, что Лука будет спасать Еву и не даст ей уйти через блокпост. И что машину мы, скорее всего, потеряем. Поэтому договорились об аренде новой, а я пошла на курсы.

– Как ты стащил мой пистолет? – не унимался Лука.

– У влюбленных можно стащить что угодно, – подмигнул режиссер.

– И в кого же ты влюблен? – заинтересовалась Ева.

– В привидения прошлого, – буркнул он и покраснел. Соврал.

Ева проследила за взглядом Луки и тоже принялась рассматривать Хортицу.

– Зачем вы стреляли в Лодочника? Можно ж было с ним поговорить, договориться, – спросила она Сергея.

– Это импровизация. Он бы ничего не сказал. Но тебя мог забрать.

– Мог? – переспросила Ева. – А если он это уже сделал?

Все разом притихли. Даже Днепр будто приказал воде бежать тише, а ветру и вовсе замолчать. Фетя повела мордой, нюхая воздух.

– Деточка, ты меня не переиграешь, – ухмыльнулся режиссер. – Я же сам тебя учил.

Он рассмеялся и обнял Еву, превращая ее слова в шутку. Ева подмигнула – мол, расслабьтесь, все это несерьезно.

Лука не разделял всеобщего веселья. Он знал, что Ева не забыла Костю. Когда все засыпали, он приходил и сидел у ее матраса – берег сон. Видел, как девушка мечется в забытии. Ее губы шевелятся, произнося чье-то неслышное ему имя. Тогда Лука вспоминал Антонию.

Он хотел бы сказать Еве, что любовь не возвращается. Что она уходит с теми людьми, кого любили. Повторить прошлое невозможно. Но можно дать ему место в своем сердце и идти дальше. И если повезет, из растрескавшейся сухой земли прямо под твоими стоптанными ботинками прорастет новое чувство. И как важно не наступить на него, не смять, постоянно топчась на одном месте, оглядываясь назад. И как важно вообще заметить. Он хотел бы сказать, но молчал. У него были тысячи лет, чтобы понять эти нехитрые истины. У Евы не было и года.

Рядом с ее матрасом лежала банка с засушенными пауками. Ева собирала их повсюду и часто звонила Майе, подробно описывая, как они выглядят. Она называла Майю подругой, но Лука чувствовал, что между ними есть что-то большее. Чья-то жизнь.

С реки подул холодный осенний ветер, девушки замерзли в легких куртках. Их прощальная прогулка подходит к концу.

Лука бросил последний взгляд на остров. Он слышал о казаках, но не встречался с ними. Помнил из архивов постоянные жалобы правителей. И князь Литовский, и царь Московский, и султан Османский, и хан Крымский брали казаков себе в услужение, но служить те не умели. Туда не дошли. Не тех обокрали. Не ту крепость разобрали по камешкам. Отказались платить дань. Рассерженные правители палили очередную Сечь, и приходилось строить новую. С Хортицей так же. Казаки хотели жить по своим законам, на острове – не только отделенном природой, но и с иными уникальными правилами бытия. У казаков не вышло.

Но ведь и они хотят такой остров – раз вызвались на разговор с Лодочником, раз просили остановить войну. Возможно ли это в мире, в основе которого постоянное сражение – если не с другими, так с демонами в своей голове?

Что ж.

Хватит о прошлом. Завтра они едут в Одессу.

И в Одессе все решится.

И в Одессе все закончится и начнется.

Как и эта история. Как и эта его судьба.